

Ф. В. НИКОЛАИ

«ТРЕТЬЯ ВОЛНА» MEMORY STUDIES КУЛЬТУРНАЯ ПАМЯТЬ МЕЖДУ ОПЫТОМ И РЕПРЕЗЕНТАЦИЕЙ

Статья посвящена современным исследованиям культурных практик коммеморации. Рассматриваются эффекты роста *новых медиумов* (фотографии, видео, интернет-коммуникаций) и их влияние на историческое знание. Проблематизируется тезис о складывании «третьей волны» *memory studies*, уравнивающей в правах жизненный опыт и медиа-репрезентации за счет гибкого сочетания историографического анализа и аффективной вовлеченности в культурные практики. Культурная память сегодня все чаще понимается как перформативный процесс, затрагивающий одновременно индивидуальную и групповую идентичность, что существенно меняет представление историков о своей дисциплине и активизирует их диалог с *memory studies*. Этот диалог обладает внутренней логикой, однако не исключает «силовых полей» напряжения и нестыковки аналитических позиций. Поэтому тезис о формировании единого пространства «исторической коммеморации» представляется спорным, так как скорее нивелирует важные различия между историей и памятью, чем стремится их проработать.

Ключевые слова: культурная память, историческое сознание, аффект, проблемы репрезентации, политика памяти, мнемоистория

Исследования памяти уже лет тридцать претендуют на статус «новой парадигмы»¹ гуманитарного знания. Список «отцов-основателей», перечень ключевых сюжетов и понятийный аппарат данного направления давно сформировались. Ежегодно выходят десятки исследований, посвященных очередным историческим юбилеям; проблемам сохранения культурного наследия; специфике влияния медиа на историческое сознание; национальным «войнам памяти» и памяти о войнах². На этом фоне тезис о складывании «третьей волны» *memory studies*³ и принципиальном отличии современных исследований культурной памяти от дискуссий о коллективных практиках коммеморации конца XX в. звучит несколько претенциозно. Не претендуя на его опровержение или подтверждение в рамках небольшого историографического обзора,

¹ Васильев 2012; Репина 2013; Репина, Леонтьева 2015.

² Например, см.: Danilova 2015; War and Memory... 2017; Winter 2017; etc.

³ «Первая волна в конце XIX в. была научной и ориентировалась на индивиду. В ее центре лежала психологическая сфера. Вторая волна сформировалась к концу XX в. Она была ближе искусству памяти, но ориентировалась в основном на социальные рамки. Ее основной сферой распространения стала историография. Третья волна распространяется с начала XXI в. и ориентируется на культурные последствия медиа-технологий. В ее центре оказываются исследования коммуникаций». Hutton 2016. P. 177.

обозначим лишь некоторые продолжающегося «мемориального бума» и постараемся проблематизировать их специфику.

Продуктивным началом такого разговора может стать книга профессора университета Джорджа Мейсона Элисон Ландсберг «Овладевая прошлым: массовая культура и производство исторического знания»⁴, посвященная аффективной вовлеченности в прошлое, которую пропагандируют *memoir studies*. Поясняя название книги, автор отмечает, что традиционный исторический *нарратив* сменился сегодня *комплексом новых медиумов* – фотографии, видео и интернет-коммуникаций. Историописание XIX века четко разделяло прошлое (скрытое в архивах и текстах, но вполне обозримое благодаря универсальному взгляду незаинтересованного исследователя) и настоящее (с его неизбежной политической ангажированностью). Современные медиа предполагают вовлеченность аудитории, ее активное участие в любой исторической репрезентации / реконструкции, стирающей границы между «тогда» и «сейчас». История оказывается материализованной в форме *наследия* – предельно осязаемых объектов и субъективных практик, не доступных универсальному взору.

Эта смена культурных медиумов существенно повлияла не только на рациональные представления о пространстве-времени, но и на структуры неосознанных ощущений (*structures of feeling*, по выражению известного британского теоретика культуры Р. Уильямса). Будучи результатом трансформации *всей* культуры современного общества, она затронула как массовую аудиторию, так и академические исследования. Последние стали испытывать все большее влияние *аффективной* вовлеченности в практики коммеморации⁵. По мнению Ландсберг, аффект стирает различие между актуальным жизненным опытом и медиа-репрезентациями прошлого: они в равной степени могут вызывать отклик, использоваться в создании бриколажей и разного рода гибридных идентичностей: «Когда индивид контактирует с медиа-репрезентациями, его тело откликается. Само присутствие медиа-репрезентаций провоцирует тело к движению и аффективному ответу. Они вызывают живой опыт, не менее реальный, чем какой-либо другой»⁶. Однако подобный аффект не исключает и даже скорее способствует познавательной активности аудитории. Отталкиваясь от известной работы В. Беньямина «Произведение искусства в эпоху его технической воспроизводимости», Ландсберг утверждает, что современная публика или массо-

⁴ Landsberg 2015.

⁵ «Наше ощущение важности прошлого, его значимости и ценности основывается на популярном нарративе, который нас затрагивает, провоцирует и овладевает нами не только интеллектуально, но и на аффективном уровне». Ibid. P. 2.

⁶ Ibid. P. 20.

вый зритель сами производят монтаж, соединяя между собой не только отдельные образы, но и разные культурные жанры. Потребление оказывается неразрывно связано с *производством* бриколажей, новых аффектов и смыслов. То есть потребительская культура (с ее акцентом на идентификацию) не уничтожает идущую от авангарда традицию «остранения», утопического желая справедливости, политической и культурной критики. Этот тезис автор доказывает в главах, посвященных современным историческим фильмам («Харви Милк» Гаса Ван Сента, «Отель Руанда» Терри Джорджа, «Доброй ночи и удачи» Джорджа Клуни); телевизионным сериалам («Дэдвуд», «Безумцы» и «Рим»); историческим реалии-шоу, виртуальным выставкам и т.д. Аффекты, которые они вызывают у аудитории, могут порождать новые смыслы и ассоциации. Их воздействие не сводимо к развлечению и воспроизведению избитых клише, – они меняют историческое сознание зрителя и его темпоральные представления, оспаривая нерушимость границ между (прошлым) опытом и актуальными репрезентациями.

Сильной стороной книги Ландсберг становится попытка феноменологического описания результатов такого воздействия. При этом она редко использует метафору памяти, сегодня ставшую слишком распространенной. По сути, речь идет о следующем шаге в направлении, заданном *memory studies*, – попытке заменить стрелу хронологического, линейного времени *картой*, напоминающей атлас «Мнемозина» Аби Варбурга. Исследователей все чаще интересуют не отдельные точки («места памяти»), но общая *топология* этого пространства, его движущие силы и динамические эффекты, определяющие растущую пролиферацию культурных практик и смену режимов соотношения жизненного опыта и медиа-репрезентаций.

Специфика такого подхода к культурной памяти оказывается также в центре внимания Патрика Хаттона, известного российскому читателю благодаря монографии «История как искусство памяти»⁷. В своей новой книге «Феномен памяти в современном историописании» он утверждает, что диалог между историей и памятью привел к формированию своеобразного гибрида – *исторической коммеморации*. «Исследования коллективной памяти предполагали пассивную рефлексию, [современная] историческая коммеморация призывает к активной вовлеченности в мемориальные проекты»⁸. Сравнивая концепции П. Нора и П. Рикера, Д. Мосса и Я. Зерубавель, У. Онга и Я. Ассмана, Г. Спигел и Д. Олика, С. Бойм и П. Фриче, К. Дженкинс и Ф. Анкерсмита, Хаттон прослеживает основные линии полемики, объединяющей предельно

⁷ Хаттон 2003.

⁸ Hutton 2016. P. 67.

разросшееся междисциплинарное поле *memory studies*. В первой главе («Историографические предпосылки феномена памяти») автор разбирает истоки современного «мемориального бума» и интеллектуальный контекст его распространения: кризис национальных и макросоциальных нарративов XIX в.; раскол популярной и элитарной культуры; признание современной историографией своей вовлеченности в социально-культурные процессы; «деколонизацию истории» и т.д. Именно в этом контексте в 1980-е гг. стали набирать силу три ключевых тренда: исследования национальной политики памяти; историко-антропологический анализ трансформации памяти при переходе от устной к письменной культуре; исследования Холокоста и *trauma studies*. Первый из них наиболее подробно прослеживается в книге. В частности, в главе «Политика коммеморации» подробно рассматривается влияние концепций «воображаемого сообщества» Б. Андерсона и «изобретения традиции» Э. Хобсбаума на *memory studies*. При этом автор доказывает, что политика памяти в конце XX в. во многом стала выполнять функции идеологии, точнее, она реструктурировала уровень морального должествования, сделав основой новой «моральной экономики» именно «долг помнить», весьма амбивалентно оцениваемый сообществом историков.

Впрочем, в 2000-е гг. эта проблематика отошла, по мнению Хаттона, на задний план, уступив свое место «третьей волне» *memory studies* – исследованию *культурных практик* взаимодействия опыта и репрезентации. Возникающее на их стыке пространство «мнемоистории»⁹ формируется в результате рационального и вполне академического *диалога* (а не аффекта или воздействия массовой культуры, как у Э. Ландсберга). Этот диалог обладает внутренней логикой, его язык не аффективен, хотя он и опирается на коллаж из образов и нарративов. Работа памяти при этом понимается не просто как социальный конструкт, но как перформатив – процесс, затрагивающий одновременно индивидуальную и групповую идентичность, что *концептуально* меняет представление историков о своей дисциплине. В результате на смену линейному нарративу приходит широкий спектр мемориальных практик, исследования которых должны учитывать многосторонние процессы их пролиферации, противостояния, вытеснения и т.д.

Таким образом, общим трендом этих очень разных исследований становится внимание к топологии пространства, формирующегося между историей и памятью, аналитике его языка и феноменологии существования гибридных практик «исторической коммеморации». Однако и Ландсберг, и Хаттон, как, возможно, и *memory studies* в целом, склонны недооценивать ряд принципиальных проблем, возникающих

⁹ Ibid. P. 209.

на этом перекрестке. Работая в привычном для себя дисциплинарном поле (первая – в рамках *memory studies*, второй – в области теоретической историографии), они стремятся не обострять существующие разногласия, хотя последние неизбежно возникают, как только речь заходит о *механизмах* взаимосвязи аффективного и рационального уровня, а также об устойчивых стратегиях медиа-репрезентации предельного / травматического опыта. Более того, топографический анализ современного темпорального режима (как и самого понятия «современности»¹⁰), неизбежно предполагает силовое напряжение смыслов. Не абсолютизируя последнее вслед за сторонниками дерридианской деконструкции, отметим огромное различие языков выжившего и наблюдателя (исследователя). «Вовлеченность» Ландсберг и историографическая саморефлексия Хаттона не одинаправленны, они не могут автоматически «дополнять» друг друга.

Предельно актуальными в этом контексте представляются, во-первых, аналитическое сравнение механизмов *воплощения* памяти, – с одной стороны, интернализации культурных практик и медийных клише, а с другой – экстернализации жизненного опыта. Чаще всего эти модальности оказываются взаимосвязаны, что позволяет поставить вопрос об относительно устойчивых *режимах субъективации*. А во-вторых, исследование практик коммеморации должно быть максимально интегрировано в актуальные социальные-культурные процессы, учитывать локальные различия, не подчиняя их глобальным трендам. Без работы в этом направлении и осознания серьезности обозначенных противоречий, *memory studies* рискуют превратиться из источника обновления историографии в болото, «волны» на поверхности которого мало кого интересуют. Современный режим темпоральности обладает массой противоречий (о них много писали Ф. Артог и Р. Козеллек), но его несомненным достоинством представляется как раз интерес к состояниям неопределенности и нежелание сглаживать противоречия. Исследования памяти и трансформаций современной темпоральности по-прежнему требуют серьезных аналитических усилий, а не самодовольного (поп)культурного умиротворения.

БИБЛИОГРАФИЯ / REFERENCES

- Danilova N.* The Politics of War Commemoration in the UK and Russia (Palgrave Macmillan Memory Studies). N.Y.: Palgrave Macmillan, 2015. 256 p.
- Hutton P.H.* The Memory Phenomenon in Contemporary Historical Writing. N.Y.: Palgrave Macmillan, 2016. 234 p.

¹⁰ «Последняя, как выясняется, всегда внутренне расколота, инфицирована, всегда не совпадает с собой. Вместо четких – почти естественных – ‘межвременных’ границ мы сталкиваемся с ‘силовыми полями’ (Вальтер Беньямин) темпоральных трансформаций, (пре)вращений и взаимных заражений». *Кобылин* 2016. С. 17.

- Landsberg A.* Engaging the Past: Mass Culture and the Production of Historical Knowledge. N.Y.: Columbia University Press, 2015. 213 p.
- War and Memory in Russia, Ukraine and Belarus (Palgrave Macmillan Memory Studies) / Ed. by J. Fedor, M. Kangaspuro, J. Lassila, T. Zhurzhenko. N.Y.: Palgrave Macmillan, 2017. 506 p.
- Winter J.* War Beyond Words. Cambridge, N.Y.: Cambridge University Press, 2017. 234 p.
- Васильев А.Г.* Memory studies: единство парадигмы – многообразие объектов // Новое литературное обозрение. 2012. № 5. С. 461-480 [Vasiliev A.G. Memory studies: edinstvo paradigmy – mnogoobrazie ob'ektov, in: *Novoe literaturnoe obozrenie*, 2012, No. 5, pp. 461-480].
- Кобылин И.И.* История и топология: взлет и падение анахронизма // Социология власти. 2016. № 2. С. 15-34 [Kobylin I.I. Istoriya i topologiya: vzlet i padenie anahronizma, in: *Sociologiya vlasti*, 2016, No. 2, pp. 15-34].
- Репина Л.П.* Память о прошлом в пространстве культуры // Диалог со временем. 2013. № 43. С. 190-198 [Repina L.P. Pamyat' o proshlom v prostranstve kul'tury, in: *Dialog so vremenem*, 2013, No. 43, pp. 190-198].
- Репина Л.П., Леонтьева О.Б.* Образы прошлого, мемориальная парадигма и «историография памяти» в современной России // Электронный научно-образовательный журнал История. 2015. № 9 (42). С. 5 [Repina L.P., Leontieva O.B. Obrazy proshlogo, memorial'naya paradigma i «istoriografiya pamyati» v sovremennoj Rossii, in: *Elektronnyj nauchno-obrazovatelnyj zhurnal Istoriya*, 2015, No. 9 (42), p. 5].
- Хаттон П.* История как искусство памяти. СПб: Владимир Даль, 2003. 422 с. [Hutton P. *Istoriya kak iskusstvo pamyati*. St. Petersburg, Vladimir Dal', 2003, 422 p.]

Николай Федор Владимирович, кандидат исторических наук, доцент кафедры всеобщей истории Нижегородского государственного педагогического университета им. К. Минина; fvnik@list.ru

‘Third Wave’ of memory studies: cultural memory between experience and representation

The article is devoted to contemporary studies of cultural commemoration practices. The effects of new mediums (photos, video, Internet communications) and their influence on historical knowledge are considered. Thesis about the "third wave" of memory studies, equalizing the rights of life experience and media representation through a flexible combination of rational analysis and affective involvement in cultural practices, is being questioned. Cultural memory today is increasingly understood as a performative process that affects both individual and group identity. This point of view significantly changes historian's ideas about their discipline and activates their dialogue with memory studies. This dialogue has internal logic, but does not exclude "force fields" of tension and inconsistencies in analytical positions. Therefore, thesis of forming a single space of "historical commemoration" seems controversial, since it rather neutralizes important differences between history and memory, rather than strives to working-through them.

Keywords: cultural memory, historical consciousness, affect, problems of representation, politics of memory, mnemohistory

Feodor Nikolai, PhD in History, Associate Professor, Department of World History, K. Minin Nizhny Novgorod State Pedagogical University; fvnik@list.ru